

УПРАВЛЕНИЕ ПРОЦЕССАМИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ В ПЕРИОД МЕДИАКОНВЕРГЕНЦИИ: В ПОИСКАХ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ПОДХОДА

Юферева А. С.

аспирант, ассистент кафедры интегрированных маркетинговых коммуникаций и брендинга, Институт философии и права
УрО РАН (Россия), Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Россия), 620990,
Россия, г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, д. 16, yufereva001@mail.ru

УДК 32:316.77

ББК 66.042

Цель. Изучение функционирования политической коммуникации в условиях медиаконвергенции и выявление комплекса проблем, этому функционированию препятствующих.

Методы. В исследовании задействованы группы методов, посредством которых были получены объективные результаты. Метод системного подхода позволил проанализировать составные элементы понятийно-категориального аппарата, куда вошли такие концепты как «медиаконвергенция», «политическая коммуникация». Метод исторического анализа позволил рассмотреть то, как происходило становление понимания феномена медиаконвергенции в зарубежной и отечественной академической литературе. К изучению привлекались данные, полученные автором в ходе контент-анализа, который позволил осуществить сбор эмпирических данных по теме настоящей работы (анализ текстового массива, мультимедийных функций как на официальных сайтах правительственных учреждений, так и на других площадках в Сети – социальные сети, блоги).

Научная новизна. Научная новизна заключается в том, что в данном исследовании впервые предпринимается попытка ввести в терминологический аппарат политической коммуникативистики такое понятие как «медиаконвергенция» и рассмотреть, как происходит взаимодействие данного феномена с процессами политической коммуникации.

Результаты. Исходя из результатов работы, выявлено, что медиаконвергенция, как процесс многокомплексный, включает в себя технологический и социальный уровни. Исследование новых форм политической коммуникации происходило в контексте этих двух измерений, что позволило обозначить ключевые тенденции. В частности, доказано, что образование новых форм политического выражение детерминировано в большей степени социальными (в частности, внутриинституциональными), а не технологическими условиями. Приведенный комплекс проблем ярко демонстрирует все те трудности, которые препятствуют переводу государственных услуг в электронный формат.

Ключевые слова: медиаконвергенция, политическая коммуникация, виртуализация политики, электронное правительство.

MANAGEMENT OF POLITICAL COMMUNICATION IN THE PERIOD OF MEDIA CONVERGENCE: IN SEARCH OF A CONCEPTUAL APPROACH

Yufereva A. S.

Post-graduate student, Assistant of Integrated Marketing Communications and Branding Department, Institute of Philosophy and Law of the Ural branch of RAS (Russia), Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Russia),
16 Sofia Kovalevskaya str., , Ekaterinburg, Russia, 620990, yufereva001@mail.ru

Purpose. Study of political communication functioning under conditions of media convergence and identification of various problems hindering that process.

Methods. The study involved a group of methods by which objective results were obtained. A method of systemic approach allowed to analyze elements of concepts and categorical apparatus comprising such concepts as «media convergence», «political communication». The method of historical analysis allowed us to consider the process of understanding media convergence in foreign and domestic academic literature. The study involved data obtained by the author during the

Юферева А. С.

content-analysis, which allowed to collect empirical data on the subject of the present work (analysis of a text array of multimedia features as on the official websites of government agencies as at other venues in the network-social networking, blogs).

Scientific novelty. It is the study when the authors attempted to enter in terminology such a notion as «media convergence» apparatus of political communication and consider the interaction of this phenomenon with the processes of political communication.

Results. Proceeding from the results of our research, it was found out that media convergence as a multi complex process includes technological and social levels. Study of new forms of political communication took place in the context of these two measurements, allowing mark key trends. In particular, it has been proven that the formation of new forms of political expression is deterministic in a greater degree of social (particularly interinstitutional), rather than technological conditions. The given complex issues clearly demonstrate all the difficulties that hamper the transfer of public services in electronic format.

Key words: media convergence, political communication, policy virtualization, e-government.

Медиатизацию разнообразных сфер жизненного уклада допустимо отнести к последствиям медиаконвергенции (от лат. *convergere* – приближаться, сходиться), которая вызывает масштабные трансформации в структуре разнообразных институтов.

Исключением не стала область политического, а в особенности, информационно-коммуникационная составляющая данной области, которая продолжает изменяться под воздействием медиаконвергенции. В частности, речь идет о появлении и развитии новых способов интеракции между политическими акторами, анализ которых в контексте медиаконвергенции в политической науке не проводился. Отсюда возникает необходимость в теоретическом и методологическом осмыслении вопроса взаимодействия медиаконвергенции с коммуникационными процессами в политической сфере с целью решения комплекса задач академического и прикладного характера.

Во-первых, поскольку предметное поле политической коммуникативистики находится на этапе становления, актуальной становится задача по совершенствованию терминологического аппарата путем введения новых понятий, одним из которых оказывается «медиаконвергенция». Данный концепт может претендовать на объяснение происходящих в политической сфере процессов, явлений, а также выразить сущность изменяющегося политического мировосприятия.

Во-вторых, интерпретация и фиксация целого ряда происходящих в политическом пространстве трансформаций способны упорядочить накопленные знания, установить ориентиры для политических акторов по вопросу реализации коммуникационных стратегий в Сети Интернет. Стоит констатировать, что в современных условиях данным аспектам представители органов государственной власти должны уделить особое внимание. При этом успех в решении столь важной задачи во многом зависит от глубины и полноты осознания властями медиаконвергенции. Понимание данного феномена нужно с той целью, чтобы расширить границы представления политическими институтами

выше обозначенного процесса и сделать их информационно-коммуникационное взаимодействие с гражданами более эффективным.

Учитывая факт недостаточной проработки проблемы взаимодействия медиаконвергенции и процессов политической коммуникации в научной литературе, обратимся к тем трудам, в которых заложены основы для решения рассматриваемого нами вопроса.

На протяжении нескольких десятилетий академическое сообщество России предпринимает попытки заполнить существующие пробелы в знаниях о коммуникациях путем изучения различных их направлений, среди которых особое место отводится коммуникациям политическим. В этой связи проанализируем работы отечественных ученых по этому вопросу.

Исследованию политической коммуникации посвящены вышедшие в 1999–2004 гг. работы М. Н. Грачева [1, 2]. Он определяет политическую коммуникацию как «частный случай коммуникации, представляющий собой информационное воздействие политических акторов друг на друга и окружающую социальную среду (общество) по поводу власти, властно-управленческих отношений в обществе, является атрибутом, неотъемлемым свойством политической деятельности, без которого последняя не может ни существовать, ни мыслиться» [1]. В данном определении описываются сущностные характеристики политической коммуникации как особого вида коммуникационного процесса. Наличествование в данном типе коммуникации специфических черт определяется как принадлежностью к области политического, так и совокупным комплексом тех целей, которые преследуют политические акторы, обмениваясь сообщениями соответствующего содержания. Что касается последнего аспекта, то, как отмечает М. Н. Грачев, содержание политических сообщений не всегда может отличаться властно-управленческим характером, поскольку не менее значимыми оказываются другие типы сообщений – конкурентный или консенсусно-договорной, в содержании которых управленческая направленность может быть исключена.

Юферева А. С.

М. Н. Грачев выделяет два взаимодополняющих друг друга по типу носителя вида политической коммуникации: технический и естественный [1]. В первом случае речь идет о передаче сообщений при помощи новых информационно-коммуникационных технологий, имеющих весомое значение в процессе формирования политической коммуникации, а второй – естественный – предполагает межличностное общение и характеризуется непосредственным взаимодействием между политическими акторами в ходе заседаний, совещаний, симпозиумов, неформального разговора и др. Несмотря на различия в способах отправки сообщений, конечную цель их использования допустимо считать общей, так как они способствуют вовлечению в данный процесс политических акторов, созданию политического пространства, циркулирование информации в котором приводит к удовлетворению информационных потребностей и достижению политически значимых целей.

А. И. Соловьев рассматривает политику как особую форму информационно-коммуникационных процессов, появляющихся при распределении общественных ресурсов с помощью государственной власти. Соответственно, политика оказывается невозможной без опосредованных форм общения и специальных средств связи между различными носителями власти [3]. В данном понимании коммуникация снова рассматривается как неотъемлемая черта политического процесса, приводящая к укреплению взаимосвязей между людьми, обмену опытом между политическими акторами, социализации индивидов и структурированию политической жизни в целом. В своих работах А. И. Соловьев уделяет особое внимание информационному обмену, который является необходимым для полноценного функционирования политической системы. Например, крайне важен информационно-коммуникационный обмен во взаимоотношениях между политическими акторами, которые таким образом стараются обозначать свое присутствие в коммуникационном пространстве, выполнять политические роли и устанавливать определенные взаимоотношения. Следовательно, от наличия или отсутствия необходимых сведений зависят возможности политического субъекта, имеющие непосредственное отношение к реализации интересов в политике, увеличению объема политического влияния, получению весомого политического статуса. В итоге, только непрерывное движение информационных потоков в состоянии укрепить основания политических статусов и действующие в обществе традиции распределения власти, либо наоборот – привести к их разрушению. Таким образом, использование недостоверной и недостаточно полной информации способно лишить политического актора возможности ориентироваться в информационном потоке, принимать компетентные властно-управленческие решения,

что в совокупности может привести к необратимым последствиям в виде утраты властных полномочий.

Рассматривая разнообразные грани информационно-коммуникационных процессов в политической сфере, А. И. Соловьев, так же как и в предыдущем подходе С. М. Грачева, в одну группу включает технический уровень, предполагающий использование определенных средств связи для получения и/или отправки политического сообщения, а в другую, – естественный. Ключевое отличие состоит лишь в том, что теоретик раскрывает второй уровень более детально, дополняя его подуровнями, относя к ним следующие: вербальные и невербальные; вертикальные и горизонтальные; личностные, межличностные, групповые и так далее.

Представленные подходы отечественных исследователей, являющиеся отнюдь не единственными по данному вопросу (феномену политической коммуникации посвятили свои работы И. А. Быков, Е. Г. Дьякова, В. Д. Зотов, Ю. В. Ирхин, А. Д. Трахтенберг и др.), с разных сторон, но в равной степени раскрывают сущностные характеристики процесса политической коммуникации. Изложенные позиции в полной мере соответствуют тем процессам и явлениям, которые протекают в настоящее время в информационно-коммуникационном пространстве политики. Обобщая изложенные позиции, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, в работах М. Н. Грачева и А. И. Соловьева утверждается, что политическая коммуникация, представляя собой особый, частный случай коммуникационного процесса за счет принадлежности данного вида коммуникации к области политического, считается неотъемлемым атрибутом в полноценном функционировании политической системы и необходимым средством в распределении общественных ресурсов.

Второй момент – функционирование коммуникации и создание специфического коммуникационного измерения в политике позволяют удовлетворять информационные потребности индивидов, задавать характер политической системы, влиять на типы взаимоотношений между людьми, определять властный статус политического субъекта.

Немаловажным аспектом в размышлениях исследователей считается обращение к носителю, который играет ключевую роль в установлении коммуникационных взаимоотношений в области политического. Разделение носителей на технические и естественные позволяет подойти к описанию феномена политической коммуникации комплексно и показать, как выбор и использование определенных каналов для установления связи способно более эффективно распространить политическое обращение до масс. При подробном рассмотрении технических возможностей информационно-коммуникационных процессов выясняется, что возникновение феномена медиаконвергенции,

Юферева А. С.

который спровоцировал «оцифровку» содержания контента и появление новых способов коммуникации, позволило иначе выстраивать отношения между политическими акторами. Иными словами, они получили уникальную возможность более оперативно устанавливать контакты с политическими акторами, поддерживать в режиме реального времени гибкое взаимодействие с аудиторией, а в некоторых случаях занять достаточно приоритетное положение в виртуальном пространстве.

Чтобы глубже понять природу коммуникативных процессов в политической сфере, недостаточно определить их основные характеристики. Отсюда возникает необходимость в их системном и целостном описании, что требует формирования особой научной дисциплины, получившей название политическая коммуникативистика. Однако на фоне исследований коммуникационных процессов политической сферы вопрос институализации политической коммуникативистики как науки не получил должного освещения. В этой связи обратимся к представлениям теоретиков, которые, несмотря на разность в подходах, предпринимают попытки в рассмотрении возможности присвоения политической коммуникативистики статуса самостоятельной научной дисциплины.

Значительный вклад в разработку поставленной проблематики внесла Л. Н. Тимофеева, которая в своей работе [4] указывает на разительное отставание теоретического изучения политических коммуникаций от реальных масштабов, которые они занимают в политической практике. Определяя перспективы становления политической коммуникативистики как науки, Л. Н. Тимофеева подчеркивает, что для этого должно существовать минимум два условия: первое, – наличие самого феномена и практики постоянного возобновления политических коммуникаций, и второе, – возможность эмпирической проверки знаний о них, претендующих на статус научных. Концентрируясь на изучении прикладного аспекта политической коммуникативистики, автор обосновывает ее приближение к научному знанию посредством выдвижения двух прикладных задач. Во-первых, политическая коммуникативистика в состоянии заниматься созданием теоретических моделей, способных объяснять и интерпретировать ряд прикладных аспектов: процессов и явлений, свойственных политической реальности, во-вторых, – изучать правовые, этические, политические ограничения в воздействии политических коммуникаций на общественное сознание, часто подменяющих собой реальные действия политиков. «Для этого она должна предоставить гражданам, альтернативным политикам проверочные механизмы, тестирующие эти коммуникации на истинность, и показать, как это осуществить на практике, чтобы жизнь людей стала более безопасной» [4].

Далее возникает вопрос о создании той основы, на которой должна быть сконструирована политическая коммуникативистика. Проанализировав возможные варианты, в качестве оптимального пути Л. Н. Трофимова видит вычленение «строительного материала» из теории политики и теорий коммуникаций, как это было сделано в случае с политической наукой, которой свойственен ярко выраженный междисциплинарный характер. Но в таком случае требуется закончить создание метатеории коммуникаций, затем – коммуникативистики (коммуникологии), а уже на ее основании и на основании политологии, строить теорию политических коммуникаций, а затем и политическую коммуникативистику [4].

Примечательно, что автор не объясняет различия между метатеорией коммуникации и коммуникативистикой. Это порождает вопросы к предметам изучения данных теорий, которые, на первый взгляд, являются сходными. Для подтверждения предположений обратимся к определениям: в метатеории исследованию подлежат язык, структура и свойства некоторой другой теории [5] (в нашем случае коммуникации); коммуникативистика представляет собой науку о «месте и роли коммуникации в обществе, ее развитии, структуре, коммуникационных процессах, средствах и др.» [6, с. 14]. Из определений понятий видим, что эти теории направлены на изучение феномена коммуникации, определение ее свойств и характеристик. Следовательно, появляется необходимость в уточнении ряда моментов, грамотная интерпретация которых, возможно, смогла бы внести ясность в предложенную исследователем схему и, таким образом, привести к дальнейшему научно-исследовательским работам в этом направлении.

Следующая позиция принадлежит А. Н. Чумикову, который так же в своих работах ставит вопрос институализации политической коммуникативистики. Данный подход отличается от предыдущего тем, что автор оперирует не умозрительными конструкциями, а старается придерживаться прагматичных взглядов. Прослеживается это в том, что А. Н. Чумиков, отрицая попытки подведения коммуникативистики к самостоятельной науке, утверждает, что данная научная субдисциплина выстроена на социологии, психологии, философии, экономике и др. Образующий гуманитарный базис, делает теорию и технологии ее надстройки (коммуникативистики) доступными для использования. Так же не претендует на самостоятельность политическая коммуникативистика, трактуемая как сознательная и профессиональная деятельность «по организации коммуникации, призванную оказывать запланированное влияние на общественность» [7, с. 55]. Как следует из изложенной дефиниции, рассматриваемый нами феномен предстает как набор технологических приемов, используемых с той целью, чтобы оптимизировать управление

Юферева А. С.

восприятием целевых групп. Такая характеристика отличается ярким прагматическим отношением к рассматриваемому вопросу, оттенок которого сыграл свою роль в выявлении значения политической коммуникативистики в академическом контексте. Согласно воззрениям А. Н. Чумикова, статус политической коммуникативистики имеет выраженный междисциплинарный статус по причине ее отнесенности к сегменту гуманитарных и экономико-гуманитарных наук одновременно. В этой связи ее задача исключительно прикладная, поскольку заключается в поиске методов и приемов организации коммуникаций, способных дать актуальные ответы на вызовы информационной среды.

В данном подходе отражены значимые аспекты, имеющие непосредственное отношение к прикладному пониманию политической коммуникативистики, что, безусловно, способно оказать помощь в понимании явлений и процессов, протекающих в области политического. Вместе с тем, рассмотрение данного феномена исключительно в практическом измерении не предусматривает возможности проанализировать его характеристики, свойства в теоретическом контексте. Игнорирование этого вопроса позволяет говорить об отсутствии всестороннего освещения проблематики институализации политической коммуникативистики и ряда других важных проблем, которые могли бы конкретизировать предметное поле этой области знаний.

Стремление Л. Т. Трофимовой и А. Н. Чумикова сохранить в исследовательском фокусе политическую коммуникативистику и ее шансы на получение статуса научной дисциплины, оставляет без осмысления специфику инструментария, в частности, технических носителей, которыми пользуются политические авторы в процессе обмена сообщениями политического содержания. Упущение в исследованиях обозначенного аспекта затрудняет оценку роли и места медиаконвергенции, обладающей технологической и социальной логикой, в системе политической коммуникации.

Подводя итог, отметим, что предметное поле политической коммуникативистики находится на этапе самоопределения, а теоретико-методологический инструментарий продолжает создаваться под влиянием культурно-исторических факторов и развивающихся коммуникационных процессов. Встраивание в область политического новых информационно-коммуникационных технологий пока не учитывается, между тем оно провоцирует возникновение новых моделей поведения политических акторов, иных видов человеческих отношений, и, соответственно, интерес к их исследованию, что влечет за собой развитие соответствующей научной дисциплины.

Поскольку теоретико-методологическое поле политической коммуникативистики только формируется, крайне актуальной задачей становится фиксация ряда

конкретных фрагментов политической реальности на уровне понятий и категорий. Таким образом, введем в терминологический аппарат политической коммуникативистики понятие «медиаконвергенция». Совершение такой операции основано на необходимости объяснения с помощью данного концепта революционных перемен в области политического, имеющих взаимосвязь как с технологическими достижениями, которые предопределили набор инструментов для осуществления трансляции политических сообщений посредством новых каналов, так и с социально-коммуникативными стратегиями, возникающих при этом.

Представляется целесообразным начать с рассмотрения зарубежных и отечественных подходов к осмыслению медиаконвергенции, после чего в исследовательском фокусе окажется раскрытие взаимосвязи данного понятия с политической коммуникацией.

Первым, кто предвидел в середине двадцатого столетия трансформацию массмедиа в результате появления новых технологий, стал канадский социолог М. Маклюэн. Теоретик посвятил свой главный труд [8] исследованию закономерностей изменения реального мира под воздействием электронных средств связи, возникновению ранее недоступных типов интеракций между техникой и человеком. Для описания подобных преобразований М. Маклюэн впервые ввел в научный оборот термин «implosion» (направленный внутрь взрыв, схлопывание). Показательно, что значение данного слова с синонимичной точки зрения схоже с определением медиаконвергенции, так как речь идет о нивелировании дистанционных границ между ранее обособленными областями; разрушении логики централизации; преобладании виртуального пространства над действительным. «Все это привело Маклюэна к созданию гигантского утопического образа «глобальной электронной деревни», центр который везде, а границ – нигде и которую населяют электронные номады, свободно кочующие из одного мира в другой» [9, с. 38].

Далее рассматриваемый нами феномен стал предметом научного интереса многих зарубежных исследователей гуманитарного профиля, которые стали мыслить границы медиаконвергенции значительно шире, не связывая её исключительно с технологическими достижениями.

Например, в 2001 году Г. Дженкинс, пытаясь в своей работе [10] объяснить путаницу в употреблении понятия «медиаконвергенция», пишет о том, что, говоря об этом процессе, стоит разграничивать по меньшей мере пять значений. Первый вид медиаконвергенции – технологический – означает «оцифровку» содержания всех СМИ. Далее следует экономическая конвергенция, под которой понимается слияние различных сфер в индустрии развлечений (кино, телевидения, видеоигр, книг и многое др.). Третий вид конвергенции Г. Дженкинс

называет социальной конвергенцией, которая касается формирования у потребителей информации «многозадачных стратегий» (consumer's multitasking strategies), возникающие в связи с одновременностью совершения нескольких действий: просмотр телевизора, проверка электронной почты и т.д. Предпоследний вид – культурная конвергенция, которая возникает в момент взрыва (explosive) новых форм творчества в момент пересечения технологий различных СМИ, отраслей и потребителей. Глобальная конвергенция – пятый вид – имеет дело с культурной гибридизацией, которая является результатом международной циркуляции медиаконтента (текстов, музыки, видео и пр.).

Таким образом, зарубежный исследователь не ограничился одним измерением – технологическим – и стремился описать медиаконвергенцию комплексно. Это значит, что этот процесс лежит в нескольких плоскостях, обладает (помимо технологической) социальной логикой.

В отечественной литературе проблема медиаконвергенции так же затрагивается. Качественный анализ научной литературы позволил выделить следующие подходы.

Первой исследовательской работой по данной проблематике стала статья Е. Л. Вартановой «К чему ведет конвергенция?» [11], которая была опубликована в 1999 году. В этой работе формулируется вывод о том, что конвергенцию по отношению к медиаиндустрии можно трактовать по-разному. Во-первых, это слияние технологий. В основе технологической составляющей конвергенции медиа лежит процесс «дигитализации», который обозначает перевод содержания СМИ во всех её формах – текстовой, графической, звуковой – в цифровой формат. Во-вторых, конвергенция – это слияние различных и разобщенных медиа, передача функций одних СМИ другим, возможность получать одинаковые содержательные продукты разными каналами. В-третьих, конвергенция – это слияние рынков в один общий, на котором неразрывными связями скрепляются мультимедийные услуги, сетевое обслуживание, создание программных продуктов.

Параллельно в том же 1999 году Л. М. Землянова в толковом словаре терминов и концепции дает гораздо более узкое определение понятия конвергенции, что допустимо объяснить особенностью подачи текста в подобных сборниках: «В коммуникативистике этот термин используется для обозначения взаимодействия и объединения различных каналов и средств связи в условиях развития мультимедийных процессов и информационных супермагистралей, совершающихся благодаря широкому внедрению новых технологий, обеспечивающих применение цифровой трансмиссии информации в коммутирующихся телекоммуputerных и телефонно-кабельных линиях» [12].

В статье «Конвергенция – возможность универсального журнализма в рамках профессиональной идентичности» [13] 2011 года А. А. Калмыков пришел к выводу о том, что система СМИ представляет собой связность уже четырех компонентов: печати, радио, телевидения, Интернета. Конвергенция в ней подразумевает соединение и объединение в одном издании различных способов донесения контента до потребителя, то есть появление гиперизданий, включающих различные комбинации: газета + интернет, телевидение + газета + интернет и т.п. Интернет в этих связках является основным локомотивом конвергентных процессов и одновременно плацдармом, на котором они разворачиваются. Исследователь также отмечает расширение медийного пространства за счет использования средств PR, рекламы, маркетинга; происходит слияние коммуникативных практик, прежде всего журналистики и PR; согласование информационных политик самостоятельных игроков рынка, в частности, отдельных СМИ (как предприятий) и производителей продукции иного рода: корпораций, промышленных предприятий, учреждений науки и образования. Это дает основания полагать, что речь идет о том, что журналист на практике включается в решение задач, более свойственных пиару, рекламе, маркетингу, чем журналистике, и о том, что эти задачи решаются в рамках взаимодействия СМИ с другими общественными институтами. Подобное сближение различных медиапрактик, как и в предыдущих случаях, требует еще более четкого профессионального разграничения.

В целом на основе предложенных подходов к пониманию феномена медиаконвергенции сделаем следующие выводы.

В зарубежной литературе основа для понимания медиаконвергенции была заложена М. Маклюэном. Понятие «имплозия», означающее нивелирование границ между различными областями, применялось к объяснению изменений различных систем. В частности, автором делается акцент на способности конвергенции к созданию гибридных коммуникационных систем, однородного информационного пространства за счет перевода данных в электронный формат, к интеграции раннее независимых друг от друга областей, как это произошло с «печатью и паровым прессом, а также с радио и кино, на пересечении которых родился звуковой фильм» [8, с. 48].

В выделенных нами отечественных работах наиболее полный взгляд принадлежит Е. Л. Вартановой, которая впервые ввела в научный оборот понятие конвергенции и попыталась представить её как процесс многоуровневый, затрагивающий различные аспекты медийного пространства. В дальнейшем стали появляться другие подходы, в которых стала преобладать тенденция к сужению значения медиаконвергенции.

Так, российские исследователи (Л. М. Землянова; А. А. Калмыков и др.) предпочли сосредоточиться на изучении роли медиаконвергенции в области журналистики.

Из представленных подходов к интерпретации медиаконвергенции, обладающей технологической и социальной логикой, следует, что оперирование данным понятием позволит отразить спектр наблюдаемых изменений в области политического, установить ориентиры в политическом пространстве, акцентировать внимание на действительно важных медиатенденциях и что самое главное – выявить взаимосвязи между различными уровнями медиаконвергенции (технологическим, социальным) и политической коммуникацией.

Поскольку предметом нашего исследования выступают новые формы политической коммуникации в условиях медиаконвергенции, то всестороннее освещение обозначенной темы необходимо начать с ретроспективного анализа первой половины 1990-х годов. В обозначенный период электронные средства связи стали постепенно задействоваться в политике, что выразилось в проникновении в киберпространство государственных структур: в различных странах мира у правительственных учреждений появляются официальные Интернет-сайты. Существовавшие на тот момент электронные ресурсы органов власти, предназначенные главным образом для оказания информационных услуг о деятельности правительства, отличались односторонней подачей данных, однако, получить информацию мог любой пользователь Сети. В данном случае речь идет о проявлении технологической сущности медиаконвергенции, которая предполагает появление дигитализированных путей передачи сообщений. Такие условия оказались благоприятными для конструирования новых форм политической коммуникации (например, официального сайта государственного учреждения, позволившего перевести в цифровой формат нормативные акты, архивы и пр.). В отличие от традиционных способов взаимодействия они позволяют: «рассеивать» пространственные, временные ограничения, которые выступают в качестве барьера коммуникации; хранить, перерабатывать и распространять значительные объемы информации; передавать политическое сообщение с помощью различных электронных устройств, платформ и многого другого.

В дальнейшем совершенствование электронных средств связи смогло дать толчок к реализации разнообразных социально-коммуникативных стратегий. Среди таких последствий для области политического мы считаем нужным отметить следующие: становление и формирование диалоговых систем коммуникации (электронное правительство, открытое правительство, электронная демократия и пр.), которые позволили представителям государственных структур

и населению взаимодействовать непосредственно в режиме реального времени; образование виртуальных сообществ, которые способны установить собственные границы влияния и стать активным независимым действующим лицом на политической арене; формирование новых политических ценностей и установок в рамках киберкультуры и пр.

При этом почву для новых типов взаимодействия подготовила эволюция технологической системы. Формирование принципиально нового коммуникационного формата в Интернет-пространстве связывают с технологией «Web 2.0». Сам термин был предложен в начале 2000-х гг. Тимом О’Рейли в связи с появлением социальных медиа и предполагает самостоятельное производство контента пользователями Сети и обмен им в режиме реального времени. До этого существовавшая форма – Web 1.0 – упомянутыми преимуществами не обладала, поскольку производство и распространение контента было прерогативой малого круга лиц. В этом случае речь идет о начальном (первом) этапе развития медиаконвергенции. Переход к следующему этапу произошел сообразно с соответствующими технологическими условиями, позволяющими представителям широкой аудитории воспринять их и осуществлять коммуникационные взаимодействия в режиме реального времени.

Выше обозначенные аспекты особенно ярко находят отражение в концепции «Открытого правительства», которая появилась в 2008 году, когда президент Б. Обама подписал Меморандум о транспарентности и открытом правительстве (Memorandum on Transparency and Open Government). Через год была подготовлена и издана Директива об открытом правительстве (Open Government Directive), в соответствии с которой на базе Интернет-платформы Data.gov началась реализация проекта «Открытого правительства», направленного на увеличение степени открытости и прозрачности в деятельности разнообразных министерств и ведомств США. Размещение в Сети открытых данных подразумевает раскрытие государственных данных с целью обеспечения доступа к официальным документам государства, что в свою очередь должно простимулировать население интересоваться деятельностью государства, участвовать в государственном управлении, осуществлять общественный контроль.

Постепенная реализация выше обозначенных проектов потребовала от органов власти «перейти от программ информатизации, рассчитанных на перевод в безбумажный формат внутреннего документооборота, к проектам предоставления гражданам услуг в электронном виде» [14]. Безусловно, перевод части полномочий в киберпространство преследует цели глобального масштаба: повышение качества государственного

управления путем интеграции основных его звеньев и процессов в единую систему и повышения качества государственных услуг [14].

Однако сегодня адаптация органов государственной власти к последствиям медиаконвергенции и процесс перевода государственных услуг в электронный формат сопровождается целым рядом проблем [14; 15; 16].

К числу внутриинституциональных (по отношению к политическим институтам) относится проблема «технократической утопии», которая демонстрирует «разрыв» между замыслом и реальностью. Другими словами, имеет место несоответствие между технической рациональностью, которой руководствуются разработчики в сфере перевода государственных услуг в электронный вид, и социокультурным контекстом, которым руководствуются сотрудники органов государственных власти, но который игнорируется разработчиками. В результате, это может привести к организационному сопротивлению, которое выражается в непринятии сотрудниками новой организации работы, требующей у них формирования новых компетенций.

К числу общих проблем относится проблема «цифрового неравенства». Под «цифровым неравенством» (digital divide) понимается новая разновидность социального неравенства: выражающаяся в неравном доступе к информационным технологиям. В результате – общество делится на «информационно бедных» и «информационно богатых».

Впервые вопрос цифрового неравенства был поднят на саммите стран «Большой восьмерки» в 2000 году на Окинаве. По его итогам стало принятие «Хартии глобального информационного общества», основополагающим принципом которой стало повышение доступности для граждан всего мира новых информационных технологий.

Среди множества факторов, которые способствуют цифровому неравенству, стоит выделить уровень развития информационно-коммуникационной инфраструктуры, демографические (возраст, пол и др.), психологические (например, отсутствие дискомфорта в использовании ИКТ), а также социокультурные (менталитет, уровень образованности и др.) факторы. Перечисленные критерии, характеризующие в определенной степени социально-экономическое положение страны, должны приниматься во внимание при решении проблемы оказания государственных услуг в электронном виде. Более того, как заявил А. Коротков, член группы советников Глобального альянса ООН по ИКТ и развитию «цифровое неравенство меняет соотношение сил на международной арене, поскольку способствует формированию сообщества государств новой информационной культуры, установлению этими

государствами нового мирового информационного порядка» [17]. В настоящее время проблема цифрового неравенства наблюдается в мировых масштабах и затрагивает различные аспекты социально-экономического развития любого государства. Это в свою очередь имеет негативные последствия для конкретного индивида – отсутствие у гражданина доступа в Интернет автоматически делает его политическим аутсайдером, поскольку он не своевременно получает информацию политического характера, принимает участие в голосованиях, обсуждениях острых вопросов.

Анализ полученных результатов позволяет говорить об их фундаментальном и прикладном значении для политической науки.

Во-первых, сформулированы теоретико-методологические основы политической коммуникативистики и обоснован процесс ее институционализации в современной политологии.

Во-вторых, предпринята попытка ввести в политическую коммуникативистику понятие «медиаконвергенция» с той целью, чтобы доработать понятийно-категориальный аппарат данной области.

В-третьих, раскрыт популистский и коммуникационный потенциал Интернета, который активно используется сегодня в политической деятельности.

В-четвертых, охарактеризованы и проанализированы новые формы политической коммуникации, которые сформировались в условиях процесса медиаконвергенции.

В-пятых, раскрыт комплекс проблем касательно адаптации государства к процессу медиаконвергенции. Их решение должно сопровождаться высоким уровнем подготовки специалистов государственной сферы к эффективному и продуктивному использованию новых форм коммуникации: электронное правительство, открытое правительство, электронная демократия и др. Обозначенные мультимедийные платформы способны обеспечить устойчивый экономический рост страны, повысить её конкурентоспособность на международной арене за счет раскрытия инновационного потенциала, активизации политической мобильности населения, предпринимательской и академической среды. В совокупности достижение перечисленных задач лучшим образом скажется на развитии территорий путем привлечения инвестиций, обеспечении оперативного перехода к принципиально новым стандартам жизни и повышении спроса на инновации.

Литература:

1. Грачев М. Н. Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития: Монография. М.: Прометей, 2004. 328 с.

2. Грачев М. Н., Трахтенберг А. Д. Микроуровневые теории политико-коммуникационных процессов в американской политической науке XX века // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2004. № 1 (5). С. 89–96.
3. Соловьев А. И. Политическая коммуникация: к проблеме теоретической идентификации // Политические исследования. 2002. № 3. С. 5–18.
4. Тимофеева Л. Н. Политическая коммуникативистика: проблемы становления // Полис: Политические исследования. 2009. № 5. С. 41–54.
5. Философия: Энциклопедический словарь / Под ред. А. А. Ивина. М.: Гардарики, 2004. 1072 с.
6. Яковлев И. П. Основы теории коммуникаций: учебное пособие. СПб.: Институт управления и экономики, 2001. 230 с.
7. Чумиков А. Н. Политическая коммуникативистика: актуальные задачи и технологии прикладного применения // Полис. 2009. № 5. С. 55–67.
8. Маклюэн Г. М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / Пер. с англ. В. Николаева. М.: КАНОН-пресс-Ц, 2003. 464 с.
9. Дьякова Е. Г. Массовая коммуникация и власть. Екатеринбург: УрО РАН, 2002. 299 с.
10. Jenkins H. Convergence? I diverge // Technological review. 2001. № 104(5). P. 93.
11. Вартанова Е. Л. К чему ведет конвергенция СМИ? // Информационное общество. 1999. № 5. С. 11–14.
12. Землянова Л. М. Зарубежная коммуникативистика в преддверии информационного общества. Толковый словарь терминов и концепций. М.: Изд-во МГУ, 1999. 301 с.
13. Калмыков А. А. Конвергенция – возможность универсального журнализма в рамках профессиональной идентичности [электронный ресурс] // Вестник электронных и печатных СМИ. 2011. № 16. URL: <http://www.ipk.ru/index.php?id=2231> (дата обращения 10.04.2016).
14. Трахтенберг А. Д. Электронное правительство: состоится ли «изобретение государства заново»? // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. 2012. № 12. С. 285–297.
15. Быков И. А. Сетевая политическая коммуникация: теория, практика и методы исследования: монография. СПб.: Изд-во СПГУТД, 2013. 200 с.
16. Дьякова Е. Г. «Электронное правительство» как идеологический конструкт // Социум и власть. 2009. № 3. С. 4–9.
17. Коротков А. В. Цифровое неравенство в процессах стратификации информационного общества [электронный ресурс] // Информационное общество. 2003. № 5. URL: <http://emag.iis.ru/arc/infosoc/emag.nsf/BPA/da782ae4eacfb804c3256efa003edb7b> (дата обращения 05.04.2016).

References:

1. Grachev M. N. Political communication: theoretical concepts, models, vectors of development: Monograph. M.: Prometey, 2004. 328 p.
2. Grachev M. N., Trakhtenberg A. D., Micro level theory of political communication processes in American political science of the twentieth century // Vestnik Rossiskogo Universiteta Druzhby Narodov. Series: Political Science. 2004. № 1 (5). P. 89–96.
3. Solovyov A. I. Political communication: On the problem of theoretical identification // Politicheskiye issledovaniya. 2002. № 3. P. 5–18.
4. Timofeyeva L. N. Political communication studies: problems of development // Polis: Politicheskiye issledovaniya. 2009. № 5. P. 41–54.
5. Philosophy: Encyclopedic dictionary / Ed. by A. A. Ivin. M.: Gardariki, 2004. 1072 p.
6. Yakovlev I. P. Communication theory basics: tutorial. Spb.: Institute of Management and Economics, 2001. 230 p.
7. Chumikov A. N. Political communication studies: challenges and technology applications // Polis. 2009. № 5. P. 55–67.
8. McLuhan G. M. Understanding media: Extensions of man / Transl. from Engl. By V. Nikolaev. M.: CANON-press-TS, 2003. 464 p.
9. Dyakova E. G. Mass communication and power. Ekaterinburg: UrO RAN, 2002. 299 p.
10. Jenkins H. Convergence? I diverge // Technological review. 2001. № 104(5). P. 93.
11. Vartanova E. L. Where does MEDIA convergence lead? // Informatsionnoye obshchestvo. 1999. № 5. P. 11–14.
12. Zemlyanova L. M. Foreign communication studies in anticipation of the information society. Glossary of terms and concepts. M.: Published by MGU, 1999. 301 p.
13. Kalmykov A. A. Convergence is the possibility of a universal journalism within the professional identity [e-resource] // Vestnik elektronnykh i pechatnykh SMI. 2011. № 16. URL: <http://www.ipk.ru/index.php?id=2231> (date of reference 10.04.2016).
14. Trachtenberg A. D. Electronic Government: Will there be «the invention of the State again»? Nauchniy ezhegodnik Instituta filosofiyi i prava UrO RAN. 2012. № 12. P. 285–297.
15. Bykov I. A. Network political communication: theory, practice and research methods: Monograph. Spb.: Published by SPGUTD, 2013. 200 p.
16. Dyakova E. G. «Electronic government» as an ideological construct // Sotsium i vlast. 2009. № 3. P. 4–9.
17. Korotkov A. V. Digital inequality in stratification processes of information society [e-resource] // Informatsionnoye obshchestvo. 2003. № 5. URL: <http://emag.iis.ru/arc/infosoc/emag.nsf/BPA/da782ae4eacfb804c3256efa003edb7b> (date of reference 05.04.2016).